

Алекситимия — затруднение с вербализацией собственного состояния, в особенности чувств.



ПРОЛОГ

1950 год

Девушка спрятала бледное лицо в ладонях. Поезд увозил ее прочь из города, в котором она надеялась навсегда запечатать тягостные воспоминания. Из города, где ее всюду преследовала тень, затмившая собой небо и саму жизнь, заменившая ей друзей и близких, тень жадная, вечно голодная, поглотившая ее молекулу за молекулой, пока не осталась одна лишь серая оболочка.

Каких усилий стоило дожидаться окончания школы, как сложно было сдать все экзамены, но учение — единственное, что ей оставили. Единственное, в чем она была хороша. Единственное, в чем она ощущала жизнь.

Она выбрала момент, когда никого не оказалось дома. Похоронила Питти, которая была виновата лишь в том, что хозяйка ее любила, закопав тельце на дальнем дворе, с трудом оторвавшись от мягкой шерстки, к которой каждый вечер прижималась лицом, находя в том особенное очарование. Она похоронила единственного друга. Друга, которого у нее отняли. И его тоже. Простившись с кошкой, поднялась к себе. В доме было пусто и тихо. Девушка зашла в кабинет отца, открыла сейф ключом — отец никогда не скрывал от нее, где хранил драгоценности, — достала пачку банкнот, которой должно было хватить на первое время, а потом,

задумавшись, взяла и большую шкатулку с украшениями матери. Отец обещал подарить их дочери на совершеннолетие. Ничего же, если она возьмет немного раньше? Ей нужно сейчас. Мама бы поняла.

Она собрала маленькую сумку с бельем, бросила туда деньги, свои документы, шкатулку и выскользнула из дома. Таксист привез ее на вокзал, где, не задумываясь ни минуты, она купила билет в один конец. И теперь поезд увозил ее прочь от Треверберга, от детства, от памяти, от ужаса и извращенного счастья последних лет. Сумка лежала под рукой. Девушка походила на студентку, которая едет в новую жизнь. Это и являлось ее целью.

Новое имя.

Новая фамилия.

Новая профессия.

Ей нужно будет научиться выживать. Но для начала она должна научиться спать по ночам, не вздрагивая от шорохов.

Девушка открыла глаза и посмотрела в окно. Поезд набрал ход, и сосновый бор слился в черную полосу. Хотелось открыть окно и вдохнуть полной грудью ночной воздух — сладкий, приправленный дымом тепловоза.

Воздух свободы.

Часть первая

СКЕЛЕТ ИЗ ПРОШЛОГО



Глава первая



МАГДАЛЕНА ТЕЙН

2002 год

Спутник-7, окрестности Треверберга

Магдалена Тейн, комиссар отделения полиции Спутника-7, с трудом подняла голову от газеты, которую читала. В ее юрисдикции никогда ничего не происходило, и поэтому вместо создания полноценного отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями руководство соединило в один все направления. В итоге Магдалена один день занималась отловом залетных курьеров-наркоторговцев, в другой договаривалась с ночными бабочками, чтобы они особо не светились перед администрацией во время проверок из метрополии, а в третий общалась с очередной семейкой, где муж поднял руку на жену, а жена на мужа.

Магдалена работала в Спутнике-7 почти лет семь, успела выйти замуж за коллегу и развестись, но переезжать в Треверберг, где фамилия бывшего мужа ее матери сияла с каждой новостной полосой, посвященной строительству новых кварталов, не хотела. Ей было уютно здесь. В маленьком, закрытом Спутнике-7, где все всех знают, а она сама знаменитость не по отцу, а за счет собственных заслуг. Ну просто потому, что она одна из немногих, получивших толковое образование, может работать в полиции и расследовать преступления, если они вообще произойдут, что случалось здесь в разы реже, чем

в Треверберге. В прошлом году один похотливый студентик местного колледжа изнасиловал трех девушек. По очереди, конечно. Ох, как комиссар Тейн радовалась этому событию. Она была занята целый месяц! Чувствовала себя самым настоящим следователем. Даже взяла табельное оружие на задержание, которое проводила совместно с коллегами из частной охранной структуры. Да, здесь было так заведено. Она мозг, а частники — руки. Неправильно, конечно. Но дешевле, чем держать свой отряд специального реагирования или, не дай бог, звать коллег из Треверберга, а потом неделями заполнять бумажки и объяснять начальству, как так вышло, что его руководство из метрополии узнало о том, что отделению понадобилась помощь старших товарищей. Спутник-7 был маленьким городом. И гордым. Все службы лезли из кожи вон, чтобы ни в коем случае не подпустить никого из Треверберга к своим делам.

Порой не самым чистым.

Это же маленький город.

Впрочем, от руководства Магдалене скрывать было нечего. Она довольствовалась честно заработанным жалованьем, жила в небольшой квартирке, которую отдала ей мать, и каждый будний день пропадала на работе с восьми утра до шести вечера. Иногда задерживалась до восьми, но не потому, что требовала необходимость, а скорее потому, что дома уж точно делать было нечего. Шла в «Дымку», выпивала пару коктейлей и отправлялась спать.

Город ученых и военных жил размеренной жизнью. В нем ничего не происходило, кроме секретных научных открытий, которыми жители в определенный момент интересоваться перестали. Все, кроме непосредственно занятых в процессе, путались в происходящем. Город, кажется, занимался сразу всем. Уйма лабораторий, институтов, постоянные командировки, режим строгой секретности и тщательно дозированная информация для общественности.

Скукота.

А вот работа Магдалены была простой и понятной. И, наверное, Магдалена ее любила, если тут вообще возможно говорить о каком-то чувстве. Она привыкла к работе. Она могла здесь себя проявить. Хотя и не проявила до сих пор. Комиссар Тейн знала лишь одно: по нелепой случайности ее карьера в спорте оборвалась, и она сделала выбор — стала полицейским. Это необратимо.

Дверь в кабинет открылась, и на пороге показался начальник местного управления полиции, ее непосредственный руководитель. Годрик Фас в прошлом году громко отпраздновал свой шестидесятый день рождения. Шеф прослужил в филиале управления полиции Треверберга, расположенном в Спутнике-7, почти двадцать пять лет. Переехал сюда с семьей в 1976 году, когда его жена получила предложение от одной из шести крупных лабораторий, вокруг которых в 1939 году был выстроен город. Годрик был счастливо женат, воспитал троих детей, ныне разъехавшихся по всей Европе, и мечтал о спокойной пенсии в своем по кирпичику собранном доме в тихом и благополучном районе, куда никогда не забредали посторонние. Магдалена относилась к шефу так, как положено относиться к бессменному руководителю, подсидеть которого нет никакой возможности: со смесью неприязни и восхищения.

Впрочем, это было естественное состояние комиссара Тейн. Особенно с учетом того, что ей пришлось перенести. Когда-то она старалась доверять людям и раскрываться им навстречу. Наивная дурочка, которая верит в честность и любовь. Но теперь только так: неприязнь и восхищение. Взрывное сочетание, которое позволяло ей жонглировать собственными чувствами и выдавать именно то, что помогает как можно плотнее сцепиться с социумом.

— Собирайся, Тейн, — бросил Фас с коварной улыбкой. Ее всегда удивляло, насколько молодым становилось строгое лицо шефа, когда он улыбался. — Наконец-то твои штаны избавятся от дыр на заднице из-за постоянного сидения в конторе.

— Что случилось? — серьезно поинтересовалась она, откладывая в сторону газету, которая полностью закрыла на-

полненную окурками пепельницу. Никто не мог заставить комиссара ходить в курилку. Курила она прямо в кабинете.

— Труп.

Тейн вскочила, чуть не сбросив документы и злополучную пепельницу на пол.

— В смысле — труп?

— Самый настоящий труп, — с самодовольным видом кивнул Фас. — Старый, правда. На Объекте. Выезжай.

— Одна?

— Так труп-то старый.

— А как же устав? — ехидно спросила она, доставая из сейфа табельное оружие и прилаживая к разгрузке кобуру.

Фас нахмурился.

— У тебя нет напарника. И пока не предвидится. Но моли Бога, чтобы Старгард не пронюхал, что ты тут не справляешься. Мигом придет кого-то. Терпи его потом.

Магдалена поправила оружие, накинула куртку, прекрасно понимая, что сдохнет из-за жары, но безопасность и общий образ боевого офицера, который она так тщательно для себя рисовала, были дороже. Если ее срубят тепловой удар, добрые врачи в госпитале подлатают. Впрочем, не срубят. Она занималась спортом все детство и юность и привыкла к любым нагрузкам. Что ей какая-то жара. К тому же, скорее всего, скоро опять начнется дождь.

— Мне никто не нужен. Что за труп? Есть хоть что-то?

— Ой, Тейн, ты такая нудная, — отмахнулся шеф. — Прыг-прыг в машину и вали. Доложишь обо всем через два часа.

— Криминалистов отправили на место?

— Ты хотела сказать «криминалиста»? Лион же в отпуске. Ну, я ему позвонил. Он слегка пьян, но уже трезвеет и едет.

Всего на короткий миг Магдалена подумала о том, что выбрала неправильное место для построения карьеры и вообще для жизни. В лениво оброненной шефом фразе скрывалась суть: управление не было готово к трупам. Совсем.

Они разжирили и разленились. У них не имелось ни лабораторий, ни команды. И опыта расследований тоже.

Но это именно то, что могло спасти ее саму как от скуки, так и от деградации.

Комиссар взяла со стола ключи от машины, кивнула шефу и вышла из кабинета. Открыв дверь на улицу, она на мгновение задохнулась от сокрушающей, давящей жары. Бегом добралась до автомобиля, аккуратного BMW, который подарил бывший муж в честь развода и в знак компенсации ряда нанесенных обид, которые не могли окупить и все машины мира, нырнула в спасительную тень салона и завела мотор. Потом включила кондиционер. И принялась ждать, пока температура опустится хотя бы на пять градусов и можно будет дышать свободно. Потертый руль автомобиля казался ей самым родным. Самым дорогим.

Она не любила убираться дома, но машина — это другое. Женщина достала из бардачка специальные салфетки для кожи и принялась бережно натирать торпедо и руль. Это медитативное занятие заняло несколько минут, за которые воздух в салоне успел охладиться. Все, можно ехать.

Магдалена вырулила с микроскопической парковки рядом с таким же малюсеньким зданием управления полиции, с грустью посмотрела на пару патрульных машин, припаркованных тут же, отогнала не самые приятные воспоминания и сосредоточилась на дороге.



*Закрытый научный Объект,
реставрационный сектор*

Магдалена остановила машину рядом с несуразной кибиткой, которую тут гордо именовали офисом. Этот вагончик переезжал со стройки на стройку вместе со своим

бессменным жителем, бригадиром Венсаном Жанакком, с которым комиссар Тейн познакомилась чуть ли не в первый день своей службы. Венсану позволялось уезжать из города и возвращаться в него в любое время по особому пропуску, завизированному руководителем административного аппарата города. Жанак подписал такие документы, что только идиот стал бы распространять лишнюю информацию. А разъезды ему были нужны, чтобы хорошо делать свою работу. Поэтому в полиции о нем знали. И ненавязчиво мониторили перемещения.

Жанак сидел прямо на вытащенной из раскопок бетонной плите и жадно пил из пластиковой бутылки. Мужчине на вид было далеко за шестьдесят, несмотря на то что волосы не поседели полностью. Седина серебрилась в темной, коротко, но неряшливо постриженной шевелюре. Магдалена знала, что он невысок и подтянут, следит за собой и питанием, много работает и мало спит. Что он женат, вырастил детей. Телом и душой предан своему делу и фирме Дженкинса, с которым проработал уже тридцать лет или около того. Магдалена пересекалась с ним на городских приемах и праздниках. И несколько раз на КПП, когда она дежурила там во время стажировок.

— Привет. Что тут у вас?

Венсан поднял на нее замутненный взгляд.

— Труп, — просто сказал он.

— Прямо труп-труп? Кто-то из твоих, что ли, упал?

Бригадир покачал головой. Выронил бутылку и посмотрел на комиссара.

— Своих я отправил в вагончики. Нил за ними следит, ты сможешь поговорить со всеми.

Магдалена стащила куртку — оставаться в ней становилось невозможно. Солнце сошло с ума и решило убить их всех. Радовало только то, что еще часок и настанет вечер, а с ним придет прохлада.

— Ладно. Ник-то приехал?

— Туттон? Не видел. Ты первая.

Магдалена тихо выругалась. Бросила куртку на плиту рядом с Жанаксом, с удовлетворением отметила, как расширились его глаза при виде разгрузки и пистолета, висящего так, чтобы легко достать его из кобуры правой рукой. В такие моменты невысокая и хрупкая женщина чувствовала себя титаном. Выбрав полицию вместо спорта, она смеялась всеобщее восхищение на страх. Ее устраивало. Восхищение влечет за собой проблемы с домогательствами, в то время как страх ставит стену, преодолеть которую в состоянии только тот, кто ее поставил.

— Там никого нет?

— Говорю же, они в кабинках. Ждут допроса.

Комиссар слегка улыбнулась, при этом ее точеное лицо вспыхнуло и будто помолодело.

— Осмотрю. Никуда не уходи.

Подумав, Тейн решила, что от бахил и прочих ухищрений, которые так любили в Треверберге, толку нет, и просто двинулась по укрепленному, достаточно широкому для того, чтобы внутрь прошла техника, коридору, который уходил под землю чуть резче, чем она ожидала. Идти пришлось долго. Она не знала, под каким комплексом проходит туннель, но почти не удивилась глубине хода. На этаж? На два этажа под землю?

Из заброшенной лаборатории пахло сухой пылью и прохладой. Магдалена подумала, что надо было взять куртку с собой, но решила не возвращаться. Внизу ярко горели лампы. Посреди огромного помещения стоял миниатюрный трактор с ковшем, он явно был предназначен для расчистки завалов. Гладкие стены почти без трещин, отполированный пол темно-серого бетонного цвета. Отсутствие мебели и перекрытий. Это походило на огромный ангар. Магдалена обратила внимание на темные пятна, оставшиеся на полу там, где раньше стояло оборудование. Что здесь произошло? Что это вообще за место? Она не слы-

шала о том, чтобы лаборатории освобождали, прежде чем закрыть. В любом случае их история уходила более чем на тридцать лет в прошлое. Комиссар включила фонарик и повернула голову, чтобы осмотреть нишу. Она резко контрастировала с общей серостью пространства. Кирпич был темным, насыщенного цвета. Сейчас такого качества и не найти. Белые швы притягивали к себе внимание, выдавая то, что эти стены возвели при строительстве всего комплекса. А вот кирпич, из которого была сделана фальшстена, отличался. Тейн обратила внимание, что раствор тут уже не белый, а грязно-серый, цементный, а сам кирпич светлее и на первый взгляд другой формы. В ходе работ фальшстена рухнула в сторону ангара, почти не повредив саму нишу и все, что находилось в ней.

Скелет сидел на полу. Ну как — сидел. Полулежал, скрючившись. Он выглядел так, будто тело бросили и замуровали. У Магдалены не было медицинского образования, равно как и широкого опыта работы с убийствами, и она не могла строить гипотезы, поэтому решила, что просто осмотрит место преступления, запомнит все, что сможет, и зафиксирует это в отчете. А потом решит, что делать.

Вздохнув, женщина шагнула к нише и остановилась на ее границе.

На первый взгляд скелет принадлежал невысокому человеку. А может, это ее домыслы, она просто пытается почувствовать себя крутым детективом. Разозлившись, Магдалена присела на корточки и принялась, подсвечивая фонариком, методично обследовать малюсенькую нишу, ставшую для неизвестного последним пристанищем. Здесь было сухо и пусто. Никакой грязи, никаких грызунов. Стены гладкие, пусть и кирпичные. При этом явно сохранялась циркуляция воздуха, иначе вместо скелета они нашли бы мумию. Наверное. На костях кое-где остались волокна мышц, жил и ткани, но их оказалось ничтожно мало. Тейн подумала, что труп был в одежде. Иначе откуда ткань? Ее внимание привлек металли-